

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РСФСР В 1922–1929 ГОДАХ. ЧАСТЬ 2. ИНФОРМАЦИЯ, ПОДЛЕЖАЩАЯ ЗАЩИТЕ, И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

HISTORICAL EXPERIENCE OF THE EVOLUTION OF THE INFORMATION SECURITY SYSTEM IN RUSSIA IN 1922–1929. PART 2. INFORMATION TO BE PROTECTED AND METHODS OF PROTECTING INFORMATION

*T. Timerbulatov
R. Yusupov*

Summary: Ensuring information security is a complex process, combining legal, organizational, scientific, technical, and other aspects of state activity. Of scholarly interest is the question of whether the Soviet state's activities in the information sphere were systemic in the 1920s, the period when the USSR was formed and when its economic development was a subject of debate and a factor in the intra-party struggle for power. Part 2 of this article examines issues related to the organization and methods of information protection. It is established that considerable attention was devoted to the formation of the institution of state secrets. Various organizational and technical methods of information protection were employed—the state fully defined the areas of protective activity and clarified the appropriate procedures. However, the information security system was not fully developed. Financial problems played a negative role. Funding was prioritized for organizations engaged in scientific and technical development of the information sphere, while censorship bodies, for example, received minimal funding, especially at the local level. Technological lag Western countries also played a role. At the same time, the 1920s can be considered a period of formation of the organizational and personnel foundation of Soviet science and technology. Overall, information security was an area whose importance, given the changing domestic political conditions of the 1920s, was not subject to revision, and its provision was developed systematically.

Keywords: USSR, information, system, information protection, information security.

Тимербулатов Тагир Алифович

кандидат исторических наук, доцент, Башкирский институт социальных технологий (филиал), Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования Академия труда и социальных отношений
timerbulatov.t.a@yandex.ru

Юсупов Рахимьян Галимьянович

доктор исторических наук, профессор, Уфимский университет науки и технологий
yusupovr.g@yandex.ru

Аннотация: Обеспечение информационной безопасности – процесс сложный, объединяющий правовое, организационное, научно-техническое и иные направления деятельности государства. Научный интерес представляет вопрос, носила ли деятельность советского государства в информационной сфере системный характер в 1920-е годы, в период, когда был образован СССР и когда путь его экономического развития являлся предметом дискуссий и одним из факторов внутривнутрипартийной борьбы за власть. В части 2 настоящего исследования изучены вопросы, связанные с организацией и способами защиты информации. Установлено, что большое внимание было уделено формированию института государственной тайны. Использовались различные организационные и технические способы защиты информации – государство в полной мере определило направления защитной деятельности и разъяснило, как следует действовать. Однако система защиты информации не приобрела законченный вид. Негативную роль сыграли финансовые проблемы. В приоритете финансирования находились организации, занятые научно-техническим развитием информационной сферы, в то время как, например, органы цензуры финансировались минимально, особенно на местах. Сказалось также технологическое отставание от западных стран. Вместе с тем 1920-е годы можно назвать периодом формирования организационного и кадрового фундамента советской науки и техники. В целом информационная безопасность являлась сферой, значение которой в меняющихся внутриполитических условиях 1920-х годов пересмотру не подлежало, а ее обеспечение развивалось системно.

Ключевые слова: СССР, информация, система, защита информации, обеспечение информационной безопасности.

Введение

В настоящей статье исследуется вопрос, носила ли деятельность советского государства в информационной сфере системный характер после образования СССР в условиях внутривнутрипартийной борьбы за власть. В части 1 изучались такие элементы этого процесса, как

система субъектов обеспечения информационной безопасности и правовые нормы, регулирующие отношения в информационной сфере. В части 2 рассмотрим вопросы организации защиты информации.

Становление института тайны

В период, предшествовавший созданию СССР, слож-

но складывалось представление о сведениях, нуждающихся в защите, т.е. составляющих тайну. С 1918 г. в официальных документах фигурировали понятия «военная цензура» и связанная с ней «военная тайна». Иные виды цензуры и тайны до начала 1920-х годов не упоминались. Изменения начали происходить с 1921 г., когда СНК РСФСР утвердил Положение о военной цензуре ВЧК (из названия понятно, что военная цензура передавалась в ведение ВЧК) и Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению. Подчеркнем, уже не военную тайну, но еще не государственную, хотя в документе перечислялись сведения как военного, так и экономического характера. Объем понятия «цензура» официально расширился летом 1922 г. в связи с учреждением Главного управления по делам литературы и издательства (Главлита), которому, согласно Декрету СНК от 6 июня 1922 г., вверялось «объединение всех видов цензуры печатных произведений» на предмет выявления сведений, содержащих военную тайну, антисоветских, националистических, лживых и иных сведений, запрещенных к распространению [1]. Как мы видим, на правовом уровне закреплялась не только военная цензура (хотя без уточнений), а о государственной тайне речь по-прежнему не шла.

Сведения, имеющие «характер государственной тайны», впервые упоминаются в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. в ст. 66 о преследовании за шпионаж [2]. Но к Уголовному кодексу не прилагался перечень соответствующих сведений, т.е. с точки зрения права вопрос остался открытым. После образования СССР в Постановлении ЦИК и СНК СССР «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению» (1925) было закреплено понятие «специально охраняемая государственная тайна» и в отдельную категорию выделены экономические сведения, «не составляющие по своему содержанию специально охраняемую государственную тайну, но не подлежащие оглашению по прямому запрещению закона или по распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий» [3] (фактически документ разделил государственную и служебную тайну, значимую для государства, начавшего отход от нэпа; причем не названная, но подразумеваемая служебная тайна, как и государственная, являлась объектом уголовно-правовой охраны). В Постановлении отмечалось, что специально охраняемая государственная тайна – это сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом СНК СССР. Но перечень к тому времени СНК СССР не утвердил. Перечень был утвержден в апреле 1926 г. и включил три раздела: а) сведения военного характера; б) сведения экономического характера и в) иного рода сведения. К последней категории были отнесены сведения о внешней политике и внешней торговле, о мерах борьбы с контрреволюцией и шпионажем, а также о государственных шифрах и содержании шифрованной переписки. Еще один важный

момент – в число государственных тайн экономического характера вошли среди прочего «открытия, изобретения, технические усовершенствования», имеющие для страны особое значение (юридическим основанием для придания научно-технической информации государственного секретного статуса являлись соответствующие постановления Совета труда и обороны или Президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР) [4].

В исследуемый период началось формирование института служебной тайны, но понятие не было определено, а не подлежащие распространению служебные сведения под разными названиями брались под защиту уголовным и гражданским законодательством.

Итак, в исследуемый период в официальных документах закрепилось понятие «специально охраняемая государственная тайна». Содержание понятия отражалось в обновляемых перечнях не подлежащих распространению сведений. В отдельную категорию были выделены сведения, не составляющие специально охраняемую государственную тайну, но также не подлежащие распространению по решению руководства «ведомств, учреждений и предприятий», т.е. тайну, имеющую служебное значение. Ответственность за нарушения в обоих случаях определялась уголовным законодательством. Понятие «служебная тайна» без разъяснений, по существу, включило гражданское законодательство. Иными словами, государственная тайна как объект защиты находилась в стадии развития, служебная – в стадии становления.

Организационные меры защиты информации

При любом подходе к терминологии государству необходимо было создать эффективный системный механизм ЗИ. Согласимся с мнением Г.А. Куренкова: «Система защиты информации должна быть именно системой, а не простым набором случайных средств и организационных мероприятий» [5]. Утверждение автора логично, т.к. цель создания защитной системы – преградить доступ к конфиденциальной информации лицам, которым она не предназначена. А доступ – явление неоднородное, и защитная деятельность может быть эффективной, если она проводится в отношении всех возможных каналов. В качестве таких каналов специалисты рассматривают 1) открытые источники, 2) людей – носителей информации и 3) технические средства [6, с. 4]. В плане защиты доступа к информации одинаково важны самые разнообразные меры, от грамотной организации секретного делопроизводства и цензуры до контроля за деятельностью секретных работников или неблагонадежных лиц и использования современных технических средств. Собственно, Г.А. Куренков и представил ЗИ как организационные и иные мероприятия, образующие систему на

принципах централизации и взаимосвязанности. В систему он включил несколько звеньев: правовое регулирование и организацию секретного делопроизводства на единой правовой основе, контроль за соблюдением законодательно установленных требований к режиму секретности и секретному делопроизводству, цензуру, использование технических средств и пр. [5].

Остановимся на организационных мерах ЗИ и некоторых особенностях их реализации на местах.

Правовая база ЗИ в 1920-е годы в целом перестала быть слабым местом ОИБ. Относительно целостно удалось сформировать представление о защищаемой информации (тайне). Еще в 1922 г. были разработаны инструкции, определяющие порядок обращения секретных документов в партийной и военной сферах, а затем – во всероссийском масштабе. Общесоюзные инструкции составлялись вместе с общесоюзным законодательством. В 1926 г. было принято несколько инструкций по отдельным вопросам организации и обороту секретной документации, а именно: по ведению секретного и шифровального делопроизводства; по сдаче дел в органы Центрархива и ведению архивного делопроизводства; по наблюдению местными органами ОГПУ за постановкой секретного и мобилизационного делопроизводства; о порядке ведения и хранения секретной переписки; о порядке стенографии на секретных совещаниях; о порядке подготовки дипломатической корреспонденции. В 1928 г. изменился фундамент этой схемы – секретное и шифровальное делопроизводства были отделены друг от друга. Соответственно, появились отдельные инструкции по секретному делопроизводству и по шифровальному делопроизводству [7, с. 4].

Что касается контроля за соблюдением законодательно установленных требований к режиму секретности и секретному делопроизводству, то централизованный подход к его организации был применен еще в 1921 г., когда в структуре ВЧК был создан Специальный отдел. Отдел создавался прежде всего в качестве центра, объединяющего и направляющего «деятельность шифровальных органов различных ведомств», оттого вошел в историю как первая криптографическая служба РСФСР. К криптографическим функциям вернемся позже. Здесь отметим, что Спецотдел состоял из семи отделений, и с шифрами была связана деятельность только трех из них, т.е. Спецотдел не являлся исключительно шифровальной службой. Так, функциями 1-го отделения являлись «разработка руководящих и нормативных документов, регламентирующих различные стороны организации защиты государственной тайны в целом по стране» и «наблюдение за всеми государственными учреждениями, партийными и общественными организациями по сохранению государственной тайны» [8]. Эти задачи не замкнулись только на Спецотделе ВЧК (ГПУ, ОГПУ). Они

не выходили из поля зрения ЦК РКП(б), где решались многие острые проблемы секретного делопроизводства, относящиеся и к партийной, и к государственной сфере. Впрочем, на высшем партийном уровне в основном совершенствовались механизмы ЗИ, а принятые решения ложились в основу инструкций и циркуляров [5]. Наблюдение за исполнением принятых решений сохранялось за ОГПУ, о чем свидетельствуют Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за постановкой секретного и мобилизационного делопроизводства (1926) и Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за состоянием секретного и мобилизационного делопроизводства учреждений и организаций (1929).

Разновидностью контроля за движением информации являлась цензура. Цензурный контроль военной информации существовал со времен гражданской войны, в т.ч. в системе ВЧК (Особый отдел по борьбе с контрреволюцией и шпионажем в Красной Армии). Как отмечено выше, в 1921 г. вступило в силу Положение о военной цензуре ВЧК, к которому прилагался Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению. Напомним, что этот документ включал сведения не только военного, но и экономического характера. Как пишет С.А. Дианов, в том же году при Секретно-оперативном управлении (СОУ) ВЧК был организован Отдел политического контроля (ПК) (с февраля 1922 г. в составе СОУ ГПУ, с ноября 1925 г. в составе Отдела информации и политконтроля ОГПУ)[9, с. 62]. С 1922 г. «все виды цензуры печатных произведений» были сконцентрированы в Главлите, учрежденном при Наркомпосе РСФСР. В исследованиях Главлит чаще упоминается как политический ограничитель творческих свобод и процессов, что не имеет отношения к нашей теме. Для нас интерес представляет тот факт, что учредительный акт вверил Главлиту выявление сведений, содержащих военную тайну. Полагаем, не только военную – иная, как мы выяснили, в публикуемых официальных документах не упоминалась.

Сухие факты без уточнений могут создать впечатление, что в издательской сфере функции Отдела ПК ГПУ и Главлита дублировались. В литературе также высказывалось мнение, что на местах органы ГПУ взяли под руководство цензоров подразделений Главлита. Но детальное изучение документов из ряда уральских архивов позволило С.А. Дианову сделать другие выводы. Выделим наиболее, на наш взгляд, важные. Первое. Уральские областные и уездные литы и органы ПК взаимодействовали. Второе. Цензор осуществлял предварительный контроль материалов для печати, а орган ПК – последующий (контроль исполнения указаний цензора и только во вторую очередь качество его работы). Третье. В распоряжении уполномоченных ГПУ имелись особые средства получения оперативной информации о ситуации на контролируемой территории, и они в определенных случаях могли вклиниваться в сферу литов,

но не для ущемления их прав, а для своевременного и эффективного «упреждения возможных контрреволюционных "прорывов" в печать» [9, с. 63–67]. Выводы автора сделаны на основании материалов только уральских архивов, однако, полагаем, представленная им модель взаимоотношений не могла входить в принципиальное противоречие с центральным курсом. В логике исследуемого времени цензурирование не могло обойтись без партийного звена. Установлено, что «по партийной линии цензурную политику проводил Агитационно-пропагандистский отдел ЦК» [5] (центральный аппарат и сеть агитпропов на местах были созданы в 1920 г.). Заметим, что проводить цензурную политику и осуществлять цензурную деятельность – не одно и то же. Кроме того, здесь мы рассматриваем проблему ЗИ, а агитационно-пропагандистская инфраструктура партии имела более широкий ареал задач с уклоном на агитацию и пропаганду. Что же касается ЗИ, то в литературе документально подтверждена руководящая роль ЦК РКП(б) (ВКП (б)). На самом высоком уровне партийной иерархии разбирались факты утечки в печать информации, не подлежащей разглашению, и серьезная причина возникновения таких фактов – недостаточная конкретизация сведений, составляющих в текущий период тайну. Перечни таких сведений постоянно уточнялись и сначала проходили этап обсуждения в ЦК партии, в т.ч. межведомственными комиссиями [5]. Утверждались же перечни на разных уровнях, от СНК до Главлита [7, с. 7]. В период свобод нэпа партия сохраняла роль координатора в информационной сфере, но напрямую в цензурную деятельность не вмешивалась. Во второй половине 1920-х годов проявилось стремление Политбюро ЦК «взять цензуру в свои руки» [10]. Но эта тенденция касалась в основном идеологической стороны проблемы. Защита тайны по-прежнему базировалась на партийно-государственном взаимодействии при формировании перечней секретной информации, и роль участников процесса принципиально не менялась.

Собранные материалы о секретном документообороте и цензуре демонстрируют концептуальный подход к формированию организационного механизма ЗИ в 1920-е годы. Но реальность невозможно оторвать от местного фактора. А на местах воплощение решений, принятых на самом высоком уровне, не во всем с ними совпадало. Кратко укажем проблемы, выявленные как наиболее типичные. В провинциальных органах цензуры остро стояла проблема кадров, имевшая сложную природу. Во-первых, сказывался финансовый фактор. Главлит финансировался минимально, и обеспечение его подразделений легло на небогатые плечи местных властей. Средства для трудоустройства цензоров находились не везде. Нередко функции цензоров делегировались другим работникам системы просвещения (напомним, Главлит был создан при Наркомпосе). Во-вторых, сказывался фактический дефицит кадров, отвечавших требованиям

к цензорам, допущенным в силу профессиональных обязанностей к секретной информации. Распространены были случаи, когда к обязанностям цензора допускались беспартийные работники ОНО, что являлось грубейшим нарушением. Обнаруживались и другие нарушения, от отсутствия сейфа для хранения секретных документов до использования общей с ОНО пишущей машинки. Проверки ОГПУ осуществлялись, меры принимались, но до конца 1920-х годов в недофинансированной сфере выявлялись одни и те же отклонения от прописанных норм [9, с. 69–70; 11, с. 395–396]. Мы опираемся на материалы исследований по отдельным губерниям и не можем утверждать, что так складывалась ситуация во всей стране. Тем очевиднее, что региональный аспект поднятой темы актуален для составления объективной картины и требует дальнейшего изучения.

Криптографические и технические методы защиты информации

Особое место в системе ЗИ издавна занимали тесно связанные друг с другом криптографические и технические методы защиты. К этому блоку применительно к исследуемому периоду отнесены «проведение мероприятий по созданию систем технической передачи и защиты информации, создание специальной техники, создание шифров и кодов, организации шифр-работы в целом» [5]. Тема обширная. Здесь ситуацию обозначим тезисами (подробнее – в отдельной статье).

Криптографические разработки со времен гражданской войны до второй половины 1920-х годов особого успеха не имели. С 1927 г. в СССР стали использовать одноразовые шифр-блокноты. Метод трудоемок в исполнении, но обладает (до сих пор) важным преимуществом – абсолютной криптостойкостью. Он использовался два десятка лет, и в этот период перехватчики западных спецслужб утратили возможность читать советскую засекреченную переписку [5].

1920-е годы – особый период в развитии в СССР научно-технической инфраструктуры и технических методов ЗИ. По этой подтеме отметим следующее.

Первое. Пришедшие к власти большевики большое внимание уделяли науке и образованию. Становление советской научной и образовательной сферы происходило под влиянием идеологического фактора, но в отношении научно-педагогической общественности власть проводила взвешенную политику, стремясь сохранить старые научные школы и кадры. Процесс был сложный и небыстрый, но тотальных потерь удалось избежать.

Второе. В условиях идеологической трансформации и глубокого экономического кризиса государство эффективно не могло обеспечить одинаково достойную

поддержку всей научной инфраструктуре, поэтому действовал принцип приоритетов. Этот принцип на старте преобразований применялся разнопланово. Интересная информация о приоритетах в распределении интеллектуальных ресурсов: в вузах преподавательская деятельность даже крупных ученых с неблагонадежной партийной биографией (эсеров, меньшевиков) не приветствовалась, что не мешало их работе в советских научных организациях. Приоритеты были обозначены и в собственно научной сфере. Как писал в 1926 г. академик С.Ф. Ольденбург, В.И. Ленин еще в 1921 г. дал ему пояснения финансового порядка: «В первую голову внимание государства будет обращено на те науки, которые помогают нам выявлять и применять наши естественные богатства, нужные разоренной войнами стране, т. е. науки математические, естественные и экономические. Это не значит, конечно, чтобы государство не признавало других наук и не понимало их значения для строительства культурной жизни. Но сейчас рассчитывать на особенное их процветание мы не можем» [12, с. 68, 70]. Приоритеты, безусловно, распространялись шире и касались информационной безопасности. Еще В.И. Ленин инициировал выявление изобретений, имеющие народно-хозяйственное и военное значение. Для авторов изобретений в приоритетном порядке изыскивались средства, помещения и пр. В 1920-е годы имели место случаи, когда лаборатории и техбюро, созданные под изобретения, вырастали в крупные научные центры. По тому же принципу возвращались небольшие ведомственные лаборатории. Речь идет в том числе об организациях, развивающих средства связи и одновременно средства защиты передаваемой ими информации, а также актуальную в текущий период шифровальную технику [13, с. 27–28; 14, с. 45 и др.]. В целом в 1920-е годы СССР, достигнув определенных успехов в решении проблем технической ЗИ, находился в уязвимом положении догоняющего субъекта научно-технической эволюции.

Третье. Руководство СССР проблему технологического отставания осознавало и поощряло международное научное сотрудничество со странами, лидирующими

в научно-технической сфере. Государство изыскивало средства на научные мероприятия, а также на закупку за рубежом необходимой аппаратуры и приборов, выпуск которых отечественная промышленность еще не наладила. Как утверждал академик В.А. Котельников, «новинками и секретами технического оснащения никто на Западе делиться с СССР не собирался» [15, с. 75]. Тем не менее торговля шла. Более того, как отметил научный сотрудник Музея криптографии Е. Ефремов, в 1920-е годы СССР удавалось закупать даже иностранные образцы шифромашин [16].

Таким образом, государство использовало различные способы поддержки советской науки и техники, в т.ч. сферы ЗИ. В 1920-е годы успехов было меньше, чем у западных стран. Но именно в этот период в стране приоритетно и компетентно формировалась научно-техническая, в т.ч. образовательная инфраструктура. Результативность была вопросом времени.

Заключение

Обеспечение информационной безопасности – системный процесс, и мы ставили перед собой задачу ответить на вопрос, носила ли деятельность государства в информационной сфере системный характер в 1920-е годы. Обобщая изложенное в частях 1 и 2 настоящей статьи, заключаем, что информационная безопасность являлась сферой, значение которой в меняющихся внутриполитических условиях 1920-х годов пересмотру не подлежало, а ее обеспечение развивалось в рамках продуманной системы. Вместе с тем реализация не всех мер осуществлялась эффективно. Так, не приобрела законченный вид система защиты информации. Негативную роль сыграли финансовые проблемы. В приоритете финансирования находились организации, занятые научно-техническим развитием информационной сферы, в то время как, например, органы цензуры финансировались минимально, особенно на местах. Имелись и другие проблемы. В 1920-е годы шел поиск путей их преодоления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декрет СНК от 6 июня 1922 г. «Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства (Главлит)» // Известия ВЦИК. 1922. 23 июня.
2. Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1922. Отд. 1. № 15. Ст. 153.
3. Постановление ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1925 г. «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. Отд. 1. № 52. Ст. 390.
4. Постановление СНК СССР от 27 апреля 1926 г. «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1926. Отд. 1. № 32. Ст. 213.
5. Куренков Г.А. От конспирации к секретности: монография. М.: Аиро-XXI, 2015. 255 с. [Электронный ресурс] // Itexts: сайт. URL: <https://itexts.net/avtor-gennadiy-aleksandrovich-kurenkov/274787-ot-konspiracii-k-sekretnosti-gennadiy-kurenkov/read> (дата обращения: 29.09.2025).
6. Каторин Ю.Ф., Разумовский А.В., Спивак А.И. Защита информации техническими средствами: учебное пособие. СПб: НИУ ИТМО, 2012. 416 с.

7. Яковец Е.Н. Организационно-правовая защита государственной тайны в СССР в период первых пятилеток и подготовки к войне // История государства и права. 2016. № 1. С. 3–8.
8. Столпаков Б. В начале столетнего пути [Электронный ресурс] // Национальный технологический центр шифровой криптографии: сайт. URL: <https://digitalcryptography.ru/publications/istoriya-kriptografii/v-nachale-stoletnego-puti/> (дата обращения: 29.07.2025).
9. Дианов С.А. Развитие местных органов Главлита на Урале в 1922–1938 гг.: структура, функции, кадры: дис. . . . докт. ист. наук. Пермь, 2011. 415 с
10. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект-Пресс, 2001. 367 с. [Электронный ресурс] // Eartist: библиотека: сайт. URL: https://evartist.narod.ru/text9/38.htm#з_16 (дата обращения: 02.10.2025).
11. Хрусталева А.В. Провинциальная печать и цензура в годы НЭПа (на примере Саратовской, Самарской губерний и АССР НП) // StudiaLitterarum. 2020. Т. 5. № 3. С. 392–411.
12. Митин В.В. Трансформация организационной и научной деятельности РАН в 1917–1925 гг. // Метаморфозы истории. 2013. № 4. С. 59–78.
13. Ларин Д.А. Этапы криптографической деятельности в России // Вестник РГГУ. Серия: Информатика. Защита информации. Математика 2011. № 13 (75). С. 11–37.
14. Корляков В.В. Всероссийскому научно-исследовательскому институту радиотехники – 95 лет (от Остехбюро до АО «ВНИИРТ» акционерного общества «Концерн ВКО «Алмаз – Антей») // Вестник Концерна ВКО Алмаз-Антей. 2016. № 2. С. 44–64.
15. В.А. Котельников. Судьба, охватившая век. В 2 т. Т. 2. Н.В. Котельникова об отце. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011. 412 с.
16. Летувет О. Рассекретили легендарную советскую шифрмашину // Вечерняя Москва. 2024. 16 декабря.

© Тимербулатов Тагир Алифович (timerbulatov.t.a@yandex.ru), Юсупов Рахимьян Галимьянович (yusupovr.g@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»